

Розанов Василий Васильевич

**Русская церковь. Очарование
и ничтожество**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич Р.**
Русская церковь. Очарование и ничтожество / Розанов Василий Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 42 с.

ISBN 978-5-519-80995-5

ISBN 978-5-519-80995-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

висти и къ племенамъ западнымъ, болѣе счастливымъ по исторической своей судьбѣ, и къ самому корню ихъ особаго существованія — принципу *жизни, акціи, дѣятельности*. Наступилъ для всей Россіи отъ 988 г. до 1700 года (реформы Петра Великаго) періодъ «Византійскаго строя», «Византійскаго вліянія», «Византійской уставности».

Дитя-Россія приняла видъ сморщенного старичка. Такъ какъ нарушеніе «Устава» папами было причиною отдѣленія Восточной Церкви отъ Западной, или раздѣленія всего христіанства на двѣ половины, то Византія нашла Россіи, что «уставъ», «уставность» — это-то и есть главное въ религіи, сущность вѣры, способъ спасенія души, путь на Небо. Дитя-Россія испуганно приняла эту непонятную, но святую для нея мысль; и совершила всѣ усилія, гигантскія, героическія, до мученичества и самораспятія, чтобы отроческое существо свое вдавить въ формы старообразной муміи, завѣщавшей ей свои вздохи. Какъ «уподобиться» Византіи, — въ этомъ состояло существо историческихъ заботъ Россіи въ теченіе болѣе, чѣмъ полутысячелѣтія. И, въ концѣ концовъ, вѣдь форма вліяетъ на духъ. Россія чѣмъ далѣе — тѣмъ глубже «умерщвлялась» и духовно. «Умерщвляться» — это стало не только понятіемъ, идеаломъ древней Россіи; но это гибельное явленіе такъ и называлось этимъ словомъ, не внушавшимъ никакихъ о себѣ сомнѣній, никакого передъ собою страха. Для русскихъ «близиться къ смерти» и «близиться къ святости» до того слилось въ единый путь, отождествилось, что даже теперь и даже образованные классы не вполне свободны отъ этого понятія. Оно есть нравственная и метафизическая аксіома въ нашихъ монастыряхъ до сихъ поръ; имъ проникнуть

и теперь весь нашъ народъ въ многомилліонной своей массѣ. Самые образованные люди, какъ Тургеневъ, какъ Герценъ, и атеисты, нигилисты—въ серьезныя минуты жизни вдругъ видятъ въ себѣ возрожденную эту древнѣйшую, первоначальную вѣру своего народа: что умереть—святѣе нежели жить, что смерть угоднѣе Богу (для вѣрующихъ), Высшему Существо (для философовъ), чему-то (для атеистовъ), нежели жизнь. Эта грустная и ужасная (по мнѣнію пишущаго эти строки) мысль сообщила главный нравственный колоритъ всей восточной, русской Европѣ: чего-то меланхолическаго и погибшаго въ смыслѣ прогресса, чего-то страдающаго и страшно дорогого, чему никто не сѣмѣетъ помочь. И тѣмъ дороже это существо (Россія) и тѣмъ страшнѣе за нее. Матери въ деревняхъ, когда умираютъ ихъ дѣти на первомъ или второмъ году ихъ жизни, съ радостью говорятъ: «слава Богу, онъ не нагрѣшилъ». Вы испуганы, стараетесь возразить, разсѣять «предразсудокъ», какъ вамъ кажется. Но слышите отвѣтъ красивой, здоровой, разумной женщины: «жить—это только грѣшить; такъ и въ церковныхъ молитвахъ поется: *не можетъ человекъ единой минуты прожить безъ грѣха*. О чемъ же плакать? Мой младенецъ у Бога; и намъ съ вами (т. е. взрослымъ людямъ) не будетъ такъ хорошо *тамъ*» (т. е. на небѣ). Русскіе люди, какъ въ молодомъ возрастѣ, такъ и въ лѣтахъ возмужалости, когда силы жизни берутъ верхъ надъ смертными началами въ человѣкѣ, когда практическія нужды, служба, работа приковываютъ умъ къ реальной жизни—мало посѣщаютъ церковь, подсмѣиваются надъ церковью, религіею, даже иногда отрицаютъ Бога. Но это—возрастъ, годы. Самое существо «вѣры русской» (такъ называютъ иногда православіе; но «вѣра русская»

очевидно, шире этого церковнаго термина)—не молодое, не юное и даже не возмужалое; и въ эти годы просто человѣкъ не находитъ ничего себѣ соотвѣтственнаго въ храмахъ нашихъ, въ службахъ, въ напѣвахъ церковныхъ, въ смыслѣ словъ, тамъ слышимыхъ, въ церковной живописи. Все жизненное, живучее, крѣпкое землѣ, преданное труду, надѣющееся на людей и ихъ свойства человѣческія—не только стерто здѣсь, но вырвано съ корнями; и выброшена за порогъ церковный самая земля, на которой могли бы укрѣпить свои корни эти земныя лиліи. Вся церковь, символически сказать, наполнена лиліями уже не земными, предполагаемо-небесными, какъ бы сперва умершими и потомъ воскресшими для какого-то страннаго, неосознаемаго, призрочнаго существованія «тамъ» (на небѣ, за гробомъ). Вся религія русская—по ту сторону гроба. Можно сказать, Россія находитъ слишкомъ реальнымъ и грубымъ самую земную жизнь Спасителя; она слушаетъ полуоткрытымъ ухомъ Его поученія, притчи, завѣты. Все это она помнитъ, но умомъ на этомъ не останавливается. Но вотъ Спаситель близится къ кресту: Россія страшно настораживается, ухо все открыто, сердце бьется. Христосъ умеръ—Россія въ смятеніи! Для нея это—не исторія, а какъ бы наличный сейчасъ фактъ. Она прошла со Христомъ всю невыразимую муку Голгофы. Но и это еще не все, не главная «сущность русской вѣры». Въ Евангеліяхъ мы читаемъ, какъ за земною жизнью Спасителя, уже въ краткихъ главахъ, повѣствуется о нѣсколькихъ дняхъ его бытія *послѣ смерти и погребенія*. Онъ—то является ученикамъ, то скрывается. Рѣчи болѣе кратки и болѣе таинственны. Рѣчи и явленія—все знаменуетъ собою что-то непрямое, какую-то загробную тайну. Вотъ «русская вѣра» чрез-

вычайно напоминаетъ эти заключительныя главы Евангелія, блѣдныя, не реальныя, потустороннія. И русскій человѣкъ не только глубоко постигъ тайную красоту смерти и ползетъ къ этой странной и загадочной красотѣ: но онъ и въ самомъ дѣлѣ умѣетъ съ величіемъ умирать, онъ самъ становится прекраснѣе въ болѣзняхъ, въ страданіяхъ, въ испытаніяхъ. И особенно—прямо передъ гробомъ. Напримѣръ, у русскихъ существуетъ чрезвычайный страхъ умереть внезапно, скоропостижно, «безъ чистаго покаянія», и наконецъ хотя отчасти не искупивъ грѣховъ своихъ тяжелыми муками предсмертнаго болѣнія. Точно вся жизнь кажется русскимъ черною, а съ приближеніемъ къ смерти все принимаетъ бѣлые цвѣта, принимаетъ сіяніе. Жизнь—это ночь; смерть—это разсвѣтъ и, наконецъ, вѣчный день «тамъ» (на небѣ, съ Отцомъ небеснымъ). Итакъ, въ юности и мужествѣ русскіе не посѣщаютъ храмовъ, учащіяся—часто кошунствуютъ въ нихъ. Но вотъ эти самые кошунствовавшіе люди переходятъ за 50-лѣтній возрастъ. Приходятъ болѣзни, давно наступили семейныя тягости. Богатство или потеряно (частый случай у непрактичныхъ русскихъ, у расточительныхъ русскихъ), или не приобрѣтено—какъ рассчитывалось въ молодости. Дѣти уже поднялись и, заботясь о себѣ, мало думаютъ о родителяхъ. Семейная жизнь не крѣпка и не красива у русскихъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Итакъ, богатства—нѣтъ, слава—не нужна, дѣти—похолодѣли. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ, ненужнымъ, лишнимъ. Вдругъ, зайдя случайно въ храмъ,—онъ находитъ здѣсь все роднымъ себѣ, въ высшей степени понятнымъ, страшно нужнымъ. Храмъ точно и ожидалъ этихъ его 50-ти лѣтъ, и еще лучше—60; ожидалъ его болѣзней, сгорбленности, бѣдности, по-

кинутости родными и друзьями; храмъ принимаетъ его какъ друга, какъ родного, принимаетъ съ безконечною нѣжностью, заботою, всепрощеніемъ за прошлую неправильную жизнь. Тысяча интимныхъ, глубочайшихъ, метафизическихъ нитей оказываются общими у этого старца, всѣми покинутого, и у этого храма, который такъ чтитъ родина, и вообще онъ имѣетъ широкое признаніе и огромную историческую роль. Слабый старикъ, больной, «лишній», вдругъ нашелъ здѣсь себѣ отечество, почти—службу, почти рангъ, положеніе и даже награды!! Всякій человѣкъ хочетъ себѣ опредѣленнаго положенія, теряется безъ положенія; здѣсь, въ православномъ русскомъ храмѣ, такія съ всемірной точки зрѣнія слабости, какъ дряхлость, немощь и убожество, какъ нищета и социальное ничтожество—опѣниваются какъ положительная добродѣтель, какъ заслуга передъ Богомъ, какъ небесное на человѣкѣ сіяніе. Человѣкъ, вотъ уже къ 60 годамъ подходящій, радостно вступаетъ на эту послѣднюю, незыблемую, исторически признанную (въ Россіи) лѣстницу — и спѣшитъ по ней. Онъ забываетъ друзей, родныхъ для храма. Театръ, зрѣлища, все веселое—отвратительно для него, «царство сатаны и дьявола», «духовный антихристъ». Онъ нашелъ Христа—по ту сторону Его, Христова, воскресенія. Его манитъ блѣдный ликъ Господа, съ неопавшими смертными покровами, которыми Его увили Іосифъ Аримаѣйскій и Магдалина. Самъ онъ, этотъ немощный старичокъ, немощная старушка, заготавливаютъ для себя все смертное: въ особый узелокъ они укладываютъ чистое, особо сшитое, широкое бѣлье, въ которомъ завѣщаютъ положить себя въ гробъ,—и дешевый деревянный кипарисовый (никогда и металлическій) крестикъ, который, полагая тѣло

въ гробъ, ему надѣнутъ на шею. Этотъ узелокъ со «смертнымъ» русскіе, отправляясь въ дорогу по дѣламъ, не забываютъ взять съ собою: на случай смѣрти въ дорогѣ—чтобы не произошло ошибки и не положили мертвого въ чужомъ бѣльѣ, а не въ этомъ, своими руками заготовленномъ. И это находитъ себѣ отзвукъ въ церкви. Вотъ человѣкъ умеръ. Женщины (непремѣнно женщины) омывають его (ибо женщиною рождень чело-вѣкъ и ея же онъ долженъ быть омытъ и положенъ въ гробъ); надѣвается на него все «смертное» изъ котораго исключено все богатое, всякое золото или шелкъ. Къ гробу зовутъ монахиню, которая все время, до погребенія, и особенно непрерывно всю ночь—читаетъ надъ нимъ псалмы Давида, любимѣйшую народную русскую книгу. Храмъ высылаетъ золотой парчевой покровъ на усопшаго: ту особенную, только одними священниками во время службы надѣваемую матерію, которая у насъ, на Востоцѣ, также символична и священна, какъ красный или голубой виссонъ въ покровахъ на жертвенникѣ и въ одѣянїяхъ священниковъ при ветхозавѣтномъ храмѣ. Этою священной тканью, въ сущности—ризю, одѣвается въ гробу усопшій. Никто не говоритъ, нигдѣ не напечатано, что онъ—священникъ теперь. Но мысль наблюдателя открываетъ дальше, чѣмъ сколько смѣетъ сказать уставъ. Вокругъ усопшаго ставятъ зажженные высокія восковыя свѣчи, вставленные въ серебряные высланные изъ храма подсвѣчники (особой формы: домашнихъ, своихъ подсвѣчниковъ нельзя употреблять). Три свѣчи зажигаются: и при чтеніи псалмовъ, среди этихъ зажженныхъ свѣчъ, особенно ночью, такъ и кажется, что вотъ воздвигся около усопшаго свой новый временный храмъ; городской общественный храмъ, какъ греческая метрополія—выслалъ сюда свою колонію. Кто

же главный въ немъ, кто дѣйствователь? гдѣ божество, или ангелъ или безплотный духъ сего временнаго зажегшагося храма?—Гробъ!—Покойники... они живы, они суть, они—дѣйствователи въ этой таинственной религіи шествованія къ смерти; они умерли—слѣдовательно они какъ бы «боги» и, во всякомъ случаѣ, выше, священнѣе людей! Грекъ, язычникъ, всякій сторонній, словомъ—привычный къ многобожію человѣкъ, вовсе не знающій ничего о христіанствѣ и единобожіи, непременно передалъ бы такъ свое впечатлѣніе: «у этого народа боговъ столько, сколько покойниковъ, и сколько вообще есть умершихъ въ ихъ странѣ; покойники носятъ одежду какъ священники и еще какъ иконы (тѣ же характерныя металлическія ризы); и передъ ними, какъ только передъ иконами—кадятъ ладаномъ, читаютъ псалмы и поютъ молитвы». И это общее пластическое наблюденіе, сказавъ много новаго и неожиданнаго самимъ русскимъ (вѣдь не всякій и себя знаетъ), раскрыло бы самое зерно ихъ религіозности и религіи.

При этомъ общемъ настроеніи, меланхолическомъ и гнѣвномъ къ землѣ, замерло, какъ бы заморожено было на семь вѣковъ пѣсенное и играющее творчество народа-дитяти. Нѣтъ танцевъ около гроба, нѣтъ пѣсенъ надъ могилою... Быть народный, всѣ цвѣточки, всѣ листочки на немъ обрывались съ отвращеніемъ сперва греческими монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затѣмъ—выучившимися у нихъ русскими монахами, и, наконецъ, священниками, которые хотя и не монахи по формѣ, но не могутъ получить сана своего иначе, какъ пройдя монашескую школу и принявъ монашеское настроеніе, дисциплину, міросозерцаніе и этику. Вообще, хотя низшее духовенство, т. е. обыкновенные священники, женато въ Россіи, и Востокъ гордится

даже передъ Западомъ, что не имѣеть у себя celibата и не отрицаетъ, въ лицѣ духовенства, заповѣди размноженія: однако русское духовенство, и именно это самое женатое, неизмѣримо аскетичнѣе католическаго; и въ поэтическомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ чистой физиологiи размноженія, оно гораздо менѣе женато, нежели католическое. Странный духъ оскотченія, отрицанія всякой плоти, вражды ко всему вещественному, матеріальному—сдавилъ съ такою силою русскій духъ, какъ объ этомъ на Западѣ не имѣютъ никакого понятія. Въ католическихъ самобичеваніяхъ есть все-таки нервы. Тайну русскаго аскетизма составляетъ именно безнервность: плачь, горе, напимѣрь по усопшемъ, по роднымъ, по смерти друга есть порицаемая слабость для аскета, какъ и бурный гнѣвъ на чужой грѣхъ, на зло—есть прямо грѣхъ, проступокъ и «паденіе» святого. Да русскіе святые никогда никого и не упрекали; такъ—легкая слеза, легкій упрекъ въ сторону, почти безмолвно, почти только въ душѣ. Напимѣрь, святой Ѳеодосій Печерскій (вскорѣ послѣ крещенія Руси) пришелъ на одинъ пиръ великокняжескій и, сѣвъ въ сторонѣ—заплакалъ. Когда его спросили, о чемъ онъ плачетъ, онъ отвѣтилъ: «братія, я размышляю, будетъ ли такъ же весело на томъ свѣтѣ (послѣ смерти), какъ вы проводите весело время на этомъ свѣтѣ». Князь и гости смутились и прекратили веселье. Кто здѣсь былъ покорнѣе? Святой князю? Князь святому? Оба лобызали другъ другу руку въ таинственной взаимной покорности, и святой также боялся (нравственно и деликатно, отнюдь не рабски) своего упрека, какъ князь своего веселья около изможденнаго молитвою и постомъ святого. Вотъ это и даетъ образчикъ характернаго русскаго обращенія къ другимъ, вліянія, дѣйствія, пропаганды: запад-

ныя формы, протестантскія и особенно католическія, у насъ немислимы, невообразимы. Весь русскій народъ закричалъ бы «не надо» при видѣ перваго же насилія, первой грубости ино-крещеному, ино-вѣрному. Притѣсненія бывали и у насъ за вѣру, но никогда—народныя, никогда—изъ толпы. Всегда это были «мѣропріятія» чиновниковъ, въ цѣляхъ національнаго объединенія, обезличенія другихъ народностей; или, въ рѣдчайшихъ случаяхъ, это было дѣйствіями высшей церковной іерархіи, раздраженной и оскорбленной жестокою критикою и часто дѣйствительно невыносимыми хулами религиозныхъ «отщепенцовъ» официальной Церкви. Старовѣры русскіе и вообще всѣ русскія секты упрекаютъ не только въ ошибкахъ и измѣнахъ правительственную русскую вѣру, но иначе и не называютъ ее, постоянно и громко, какъ «царствомъ Антихриста». И притомъ съ убѣжденіемъ и пыломъ, какого на Западѣ не съумѣютъ представить себѣ! Вообще изъ исторіи сектантства нужно отмѣтить эту трогательную и нигдѣ еще не встрѣчающуюся черту, что 1) кричатъ—раскольники, шепчутъ—православные, 2) безстрашны—гонимые, всего боятся, робки въ словѣ и дѣйствіяхъ—гонители, 3) всего надѣются, ко всему рвутся сектанты, пессимистично настроены и боятся шевельнуться, сдѣлать шагъ впередъ или въ сторону—представитель официальной Церкви.—Это сообщаетъ самой официальной Церкви до того кроткій и смиренный видъ, что, при всемъ пониманіи въ ней недостатковъ—ее больно критиковать, хочется все ей простить, со всѣмъ примириться, и умереть все-таки православнымъ даже при отрицаніи почти всего Православія. Это—одна изъ тайнъ «русской вѣры», которая вообще и вся состоитъ изъ странныхъ психологическихъ и метафизическихъ тайнъ, нимало не во-

шедшихъ въ догматики, которыя всѣ скомпилированы съ протестантскихъ и католическихъ ученыхъ трудовъ, и нимало не выражаютъ русскаго церковнаго духа и народнаго религіознаго настроенія и міросозерцанія.

Русскіе церковные напѣвы и русская храмовая живопись—все это безплотно, безженно, «духовно» въ строгомъ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ Церкви. Богоматерь, питающая грудью Младенца-Христа—невозможное зрѣлище въ русскомъ православномъ храмѣ. Здѣсь русскіе пошли противъ исторически-достовернаго слова Божія: напримѣръ, хотя Дѣва-Марія родила Иисуса еще юною, никакъ не старше 17 лѣтъ, однако съ Младенцемъ Иисусомъ на колѣняхъ Она никогда у насъ не изображается въ этомъ возрастѣ. Богоматерь всегда изображается какъ старая или уже старѣющая женщина, лѣтъ около 40, и держа на колѣняхъ всегда вполнѣ закрытаго (сравни съ католическими обнаженными фигурами) Иисуса; она имѣетъ видъ не Матери, а няни, пѣстующей какого-то несчастнаго и чужого ребенка: лицо ея всегда почти скорбное и нерѣдко со слезою, вытекшею изъ глаза. Вообще Голгова перенесена въ самый Виелеемъ и вытравила въ немъ все радостное, легкое, все обѣщающее и надѣющееся. Никогда не видно въ православной живописи (самобытной и оригинальной, распространенной повсемѣстно) и животныхъ около Вертепа Господня: коровъ, пастуховъ, маленькихъ осликовъ. Вообще животное начало съ страшною силою отторгнуто, отброшено отъ себя Православіемъ. Въ сущности, оно все—монофизично, хотя именно на Востоцѣ монофизитство какъ *догматъ* было отвергнуто и осуждено. Но какъ *догматъ*—оно осудилось, а какъ *фактъ*—оно обняло, распространилось и необыкновенно укрѣпилось въ Православіи, и стало не одною изъ истинъ Право-